

Обращаясь не к нравственным силам человека, а к его физической слабости, Церковь тем самым теряла свое нравственное превосходство над личностью и вместе с тем справедливо восстанавливала ее против себя. Этим церковный авторитет вызывал на себя сильнейшего врага и готовил себе самый чувствительный удар. Отныне верховные права Церкви могут отвергаться не на национальной только и политической, а на более глубокой, нравственной почве. Доселе против Рима поднимались народы и государи, теперь восстал *человек*. Это последнее и самое многочисленное восстание против римской власти называется *протестантством*.

Протест, пришедший к самосознанию человеческой личности, поражает папизм в самое сердце. Ибо и сам папизм был обусловлен энергией того же человеческого начала в Церкви. В исторической деятельности папства человеческое начало выступало во имя религиозной власти или авторитета; в протестантстве оно же выступило во имя религиозной свободы и верховных прав личной совести. <...>

<Преосвященный Филарет Московский, святой Иоанн Златоуст, Давид Штраус и Прессансе¹ о первенстве Петра>

Некоторые из искренних православных, понуждаемые очевидностью, говорили нам: «Действительно, Иисус Христос установил в лице апостола Петра некоторую центральную и верховную власть в Церкви; но мы не усматриваем, как и почему эта власть могла перейти к римской Церкви и папству». Таким образом, признается камень, отторгнутый без помощи рук человеческих, но не желают усматривать великой горы, выросшей из этого камня. И, однако, факт этот вполне выяснен в Священном Писании путем образов и притч, которые все знают на память и тем не менее не понимают.

Если камень, ставший горою, есть только символ, то обращение простого и еле видного зачатка в бесконечно более сложное и обширное органическое тело — реальный факт. И при помощи именно этого реального факта Новый Завет объясняет грядущее развитие Церкви — великого дерева, бывшего в начале едва заметным зерном, а ныне дающего приют и тень зверям земным и птицам небесным.

Но даже и в среде католиков встречались ультра-догматические умы, которые, выражая свое справедливое изумление перед величием

этого дуба, покрывающего их своей сенью, решительно отказывались допустить, чтобы это изобилие органических форм могло возникнуть из такого простого и рудиментарного строения, как строение обыкновенного желудя. Послушать их, так пришлось бы признать, что если дуб возник из желудя, в этом последнем должны были уже явно и раздельно заключаться если не все листья, то по крайней мере все ветви огромного дерева: он должен был быть не только субстанционально тождественным с ним, но и схожим с ним во всех подробностях. И вот умы прямо противоположного направления — умы ультра-критические — принимаются рассматривать этот бедный желудь самым тщательным образом со всех сторон. Естественно, что они не находят в нем ничего подобного величественному дубу — ни сложного переплета корней, ни мощного ствола, ни густых ветвей, ни волнистых и упругих листьев. Все эти разговоры только одно морочение, говорят они: желудь желудь и есть, и ничем иным никогда и быть не может; а что касается до великого дуба со всеми его атрибутами, то отлично всем известно, откуда о нем слух пошел: его выдумали иезуиты на Ватиканском соборе², мы это своими собственными глазами видели... в книге *Ianus'a*.

Рискуя показаться вольнодумцем крайним догматиком и в то же время быть объявленным иезуитом критическими умами, я должен засвидетельствовать ту безусловно достоверную истину, что желудь действительно имеет вполне простое и рудиментарное строение, что в нем невозможно открыть всех составных частей величественного дуба и что тем не менее этот последний действительно возник из желудя и притом без всякого коварства и хищения, по присущему ему праву и, скажем даже, по праву божественному. Так как Бог не подвержен ограничениям времени, пространства и механической причинности и видит в семенах вещей всю скрытую мощь их будущего, то Он, конечно, в маленьком желуде узрел, определил и благословил могучий дуб, имевший из него возникнуть; в зерне горчичном, в вере Петра, он усмотрел и возвестил великое дерево католической Церкви, которому суждено было покрыть землю ветвями своими.

Поставленный от Иисуса Христа хранителем вселенской верховной власти, которая должна была пребывать и развиваться в Церкви в течение всего земного бытия ее, Петр лично пользовался этой властью лишь в той мере и в тех формах, которые допускало первоначальное состояние апостольской Церкви. Воздействие князя апостолов столь же мало похоже было на управление современных пап, как желудь походит на дуб, что не мешает, однако, папству быть естественным, логическим и законным продуктом первенства Петра. Что касается этого первенства, то оно с такой ясностью указано в исторических книгах Нового Завета, что никогда не оспаривалось ни одним

добросовестным богословом, будь он православный, рационалист или еврей. Мы уже упоминали о выдающемся еврейском писателе Иосифе Сальвадоре как о беспристрастном свидетеле, подтверждающем как действительное установление Церкви Иисусом Христом, так и то исключительное положение, которое было предоставлено в этой Церкви Петру*. Другой писатель, не менее свободный от каких-либо католических предрассудков, Давид Штраус, знаменитый представитель немецкой критической школы и глава ее, принужден был защищать первенство Петра против протестантских полемистов, которых он обвиняет в предвзятости**. Что касается представителей восточного православия, то лучшее, что мы можем сделать, это еще раз сослаться на *единственного* нашего богослова, Филарета митрополита Московского. Ему первенство Петра представляется «ясным и очевидным»***. Напомнив, что Петр получил от Христа особое поручение — утвердить братьев своих (Лука XXII, 32), то есть остальных апостолов, знаменитый русский иерарх говорит далее: «Подлинно, когда Воскресение Господа прежде всех открылось Мирносоцам, сие не утвердило апостолов в веровании оному: “и явишася пред ними яко лжа глаголы их” (Лука XXIV, 11). Но когда Воскресший явился Петру, то и прочие апостолы, *прежде общего всем им явления, уже с твердостью говорили: “воистину воста Господь и явися Симону”* (Лука XXIV, 34). Наконец, должно ли наполнить пустоту, оставлен-

* Протестантские авторы не отличаются вообще подобным беспристрастием. Однако лучшие из них признают самый факт, делая в то же время бесплодные усилия перетолковать его на свой лад. Вот, например, что говорит Прессансе (История трех первых веков христианства, 1-е изд., т. I, стр. 358, 359, 360): «В первые времена апостол Петр имел преобладающее влияние. В той роли, которую он играл тогда, усмотрели доказательство его первенства. Но если внимательнее всмотреться, то увидишь, что он проявил лишь свои естественные (!) дарования, очищенные и расширенные Духом Божиим». «Впрочем, рассказ святого Луки нимало не подтверждает иерархических взглядов. В поведении апостола Петра все непосредственно и естественно. Он не является *ex officio председателем некоей* апостольской коллегии». (Прессансе смешивает, очевидно, *привходящее качество* некоторого более или менее выраженного официального положения с *существом* первенства.) «Он действует лишь с совета братьев (по-видимому, по протестантским взглядам совет исключает авторитет) как при избрании нового апостола, так и в Пятидесятницу, перед народом, перед синедрионом. Петр из первых христиан был наиболее унижен, вот почему он ранее других был возвеличен». Вот каким дешевым риторическим приемом протестантство пытается отделаться от прямого смысла формальных текстов Священного Писания, провозглашенного им единственным источником религиозной истины.

** Vie de Jésus, trad. Littré. Paris. 1839, t. I, II-ème partie, p. 584, cf. p. 378.

*** Слова и речи Филарета, митрополита Московского. Москва, 1873 г. и след. Т. II, стр. 214.

ную в лике апостольском чрез отпадение Иуды? — первый примечает сие Петр и первый печется о сем. Должно ли, непосредственно по сошествии Святого Духа, торжественно начать проповедь евангельскую? “Став же Петр со единонадесятьми”, первый из них “воздвиге глас свой” (Деяние II, 14). Должно ли положить основание Церкви Христовой между язычниками так же, как между Иудеями? Петр крестит Корнилия; и уже не в первый раз исполняется над ним слово Христово: “ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь Мою” *.

В этом засвидетельствовании истины красноречивый учитель современной русской Церкви является лишь слабым отголоском еще более красноречивого учителя древней греческой Церкви. Святой Иоанн Златоуст заранее победоносно опроверг возражения против первенства Петра, которые и теперь еще стараются извлечь из некоторых фактов евангельской и апостольской истории (отречение Симона во дворе первосвященника, его отношения к апостолу Павлу и т. д.). Отсылаем наших православных читателей к доводам великого *вселенского учителя* **. Никто из писателей папистов не мог бы с большой силой и настойчивостью подтвердить первенство власти Петра (а не чести только) в апостольской Церкви. Князь апостолов, которому все были вручены Христом, имел, по мнению святого учителя, право сам своей властью назначить преемника Иуде, и если, в данном случае, он призвал на совет остальных апостолов, то это нимало не являлось для него обязательным, а было лишь актом доброй его воли ***.

Священное Писание говорит нам о первенстве Петра; его право на безусловную и верховную власть в Церкви засвидетельствовано православным преданием; но нужно было бы быть лишенным всякого исторического такта и даже простейшего здравого смысла, чтобы искать в первоначальной Церкви (не только в те времена, когда «у множества верующих было одно сердце и одна душа», но долгое время после того) юридически установленной и действующей по определенным правилам власти. Это значило бы, как уже было сказано, искать ветвей дуба в желуде. Действительный и живой зародыш верховной церковной власти, усматриваемый нами в князе апостолов, мог обнаружиться в Церкви первых времен лишь в той практической инициативе, которую Петр проявлял во всяком деле, затрагивавшем

* Там же.

** Известно, что Греко-Российская Церковь прилагает это наименование по преимуществу к трем древним иерархам: святому Василию Кесарийскому, Великому, святому Григорию Назианзину, Богослову, и святому Иоанну Златоусту. Им установлено и общее празднование — 30-го января по нашему календарю.

*** Ioh. Chrys. Opp. t. IX, col. 27, 30, 31.

существенные нужды Вселенской Церкви, как мы это действительно и видим в Евангелиях и Деяниях Святых Апостолов*.

Раз находятся критики, которые не видят личности апостола Павла в его посланиях, то всегда найдутся и такие, которые не заметят преобладающего значения Петра в деле основания Церкви. Мы не станем останавливаться далее на опровержении их и перейдем к тем возражениям, которые ставятся против римского наследия галилейского рыбака.

<Апостол Петр и папство>

— Апостолу Петру принадлежит первенство власти, это — так; но почему папу римского следует считать наследником этого первенства? — Мы должны сознаться, что серьезное значение этого вопроса, когда он ставится в такой форме, совершенно ускользает от нас. Раз мы признали верховную и основную власть во Вселенской Церкви, установленную Христом в лице апостола Петра, то следует допустить и то, что эта власть где-нибудь да находится. И очевидная невозможность найти ее нигде, кроме Рима, есть уже достаточное, казалось бы нам, основание для согласия с высказываемым католиками положением.

Раз ни Константинопольский патриарх, ни Санкт-петербургский Синод не имеют и не могут иметь претензии представлять собой камень Вселенской Церкви, то есть действительное и основное единство власти церковной, то следует или отказаться от этого единства и признать состояние разделения, беспорядка и порабощения нормальным

* Тем нашим православным читателям, которым, для признания исключительного значения Петра в новозаветной истории, не представляется достаточным авторитет таких Святых Отцов, как Иоанн Златоуст, и даже авторитет таких русских богословов, как преосвященный Филарет, быть может, покажется более убедительным довод, так сказать, статистический. Приняв в соображение, что из непосредственных учеников Иисуса ни один не имеет стольких прав на особо выдающееся место, как апостол Иоанн, возлюбленный ученик Христов, я подсчитал, сколько раз в Евангелиях и Деяниях Святых Апостолов упоминается Иоанн и сколько раз Петр. Оказалось, что отношение получается приблизительно такое, как единицы к четырем. Апостол Петр назван 171 раз (114 раз в Евангелиях и 57 раз в Деяниях), а апостол Иоанн только 46 раз (38 раз в Евангелиях — считая и те случаи, когда он сам говорит о себе косвенным образом — и 8 раз в Деяниях).